

DOI: 10.24411/2308-8079-2018-00009

УДК 351.742(470.2)

**ЖАНДАРМЫ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ:
СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Пулькин М.В.

Статья посвящена проблемам создания и деятельности Олонецкого губернского жандармского управления. Выявлены особенности формирования кадрового состава тайной полиции, прослежены этапы определения круга стоящих перед ней задач, изучена эволюция приоритетных целей деятельности. Существенное внимание уделено разграничению полномочий между полицией и жандармерией. В первое десятилетие существования олонецкой жандармерии ее задачи состояли в борьбе против старообрядческого влияния, надзоре над чиновниками губернской администрации и местным духовенством. Позднее, начиная с 1870-гг., основным направлением деятельности жандармерии стала борьба против революционного движения.

Ключевые слова: полиция, жандармы, провинция, надзор, преступления, революционеры, чиновники, духовенство.

**GENDARMES OF THE OLONETS PROVINCE:
THE SPECIFICS OF PROFESSIONAL ACTIVITY
(19TH AND THE EARLY 20TH CENTURIES)**

Pulkin M.V.

The article describes problems of the Olonets gendarmerie administration's creation and activity. The author reveals peculiarities of formation of the cadre personnel and defines the definition of the range of tasks, and the evolution of their priority objectives. Considerable attention is paid to the division of powers between the police and the gendarmerie. In the first decade of the existence of the Olonets gendarmerie, the tasks of the secret police were to fight against the Old Believer's influence and the supervise over the officials of the provincial administration and the

local clergy. From the 1870-s the main activity of the gendarmerie was the struggle against the revolutionary movement.

Keywords: police, gendarmes, province, supervision, crimes, revolutionaries, officials, clergy.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9).

Указ о формировании Корпуса жандармов появился в апреле 1827 г. [12, № 1062; 28, с. 9-13]. Его целью стало создание системы органов тайной полиции на всей территории Российской империи [6, с. 7]. Европейская часть России разделялась на пять обширных жандармских округов (по 8-11 губерний в каждом). Северо-западные губернии составили наиболее значимый первый округ с центром в столице. Кроме Санкт-Петербургской губернии в него входили Великое княжество Финляндское, а также Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Псковская, Новгородская губернии. Нарастающие трудности в работе новой правоохранительной структуры, вызванные огромным размером поднадзорной территории, привели к мысли о реформах. На рубеже 1820-1830-х гг. возникла идея о необходимости введения должности жандармского штаб-офицера во всех губерниях страны.

Задача данной статьи заключается в рассмотрении кадрового состава и специфических особенностей деятельности жандармерии в одной из провинциальных губерний Российской империи.

Первоначально при формировании корпуса жандармов предполагалось, что обер-офицеры будут постоянно переезжать из губернии в губернию, проживая в каждой из них поочередно по несколько месяцев в году и знакомясь с положением дел. Но такой порядок организации жандармского контроля за происходящими на обширных территориях событиями, позволяя экономить казенные средства, не способствовал заметным успехам в оперативной

деятельности. Кроме того, неизбежно возникал вопрос о семьях жандармов. Им приходилось распрощаться даже с минимальным комфортом и вести поистине спартанский образ жизни. Альтернативой могла стать долгая разлука с главами семейств. В итоге возобладал иной, более затратный подход. Жандармские структуры учреждались в каждой из губерний. Штаты присутствий штаб-офицеров в губерниях первоначально оказались незначительными: от четырех до шести человек, в зависимости от количества населения в губернии. В относительно стабильные 1830-1840-е гг. численность жандармерии на северо-западе страны не увеличивалась. Исключение составили Санкт-Петербург и Псковская губерния, граничившая с беспокойными прибалтийскими землями [19, с. 64]. Как правило, жандармские офицеры несли службу не только в губернском городе, но и в наиболее важных населенных пунктах. В Олонецкой губернии один из жандармских чинов постоянно находился в Вытегре. Причина вполне понятна: город максимально близко прилегает к транспортной артерии – Мариинской водной системе.

Среди историков нет разногласий о том, для какой цели учреждался новый полицейский орган. Как утверждает А.А. Лопухин, корпус жандармов основан «для охраны самодержавной монархической власти от новых на нее посягательств» [4, с. 12]. Другая задача тайной полиции явным логическим образом вытекала из предыдущей. Жандармерии вменялось в обязанность постоянное наблюдение «за состоянием умов, за настроениями общества». Собранные из разных источников сведения следовало обобщать, создавая отчеты и обзоры по заранее утвержденным формам, и направлять их в высшие правительственные инстанции [4, с. 13; 2, с. 10]. Конкретные сферы деятельности провинциальных жандармов на первых порах определялись законом явно недостаточно: «для руководства деятельностью корпуса жандармов закон не дал ни одного указания» [2, с. 13]. Сотрудники тайной полиции нередко дублировали деятельность других правоохранительных органов. Чины жандармерии регулярно отправлялись на поимку беглых крестьян, нередко занимались преследованием воров, корчемников,

контрабандистов. Их направляли на «рассеяние законом запрещенных скопищ», а также «на препровождение особо важных преступников и арестантов». Жандармы нередко присутствовали в местах массового скопления людей: на ярмарках, церковных празднествах, парадах [1, с. 196].

В 1855 г. начальник первого округа корпуса жандармов обращал внимание местных руководителей на неправильное распределение полномочий между правоохрнительными структурами в некоторых губерниях. Выяснилось, что губернаторы командируют офицеров корпуса жандармов «к следствиям о каждом незначительном поджоге», что приводит к неоправданной трате времени и казенных средств. Жандармы, поспешно проезжая «иногда и большое число верст», не успевают принять участие в расследовании и «находят дело сконченным». Вследствие слабой координации действий с другими правоохрнительными органами, жандармы, теряя драгоценное время, «без пользы обременяют казну напрасными издержками» [26, л. 1]. Начиная с середины XIX в. эта разновидность деятельности жандармов постепенно сокращалась. Связанные с ней полномочия целиком передавались полиции.

Циркуляры МВД предписывали ограничить участие жандармских чинов в следственных действиях. Тайную полицию следовало привлекать к расследованию только в тех экстраординарных случаях, когда имело место действительно серьезное, значимое правонарушение, повлекшее за собой тяжкие последствия и вызвавшее широкий общественный резонанс. Как говорилось в документе, важно предписать, чтобы чины корпуса жандармов участвовали в проведении следственных мероприятий «только по особой необходимости». Им следовало оперативно появляться на местах происшествий «при значительных пожарах или поджогах». Их оперативное участие требовалось для «скорейшего раскрытия причин или строжайшего преследования злоумышленников» [24, л. 1]. В то же время некоторые правительственные мероприятия предполагали самое активное участие жандармов.

В современной литературе подчеркивается тот факт, что жандармерия изначально формировалась как ведомство, которое контролировало «практически все» сферы жизнедеятельности российского общества [19, с. 63]. «Россия оказалась первой страной, – отмечает историк Ричард Пайпс, – заведшей у себя две полицейских системы – одну для защиты государства от граждан, а другую – для защиты граждан друг от друга» [7, с. 20]. В 1838 г. во многих губернских городах России возникли особые комитеты о раскольниках, призванные координировать усилия различных ведомств в общей борьбе против старообрядческого влияния. В их состав обязательно входили губернатор, местный архиерей и жандармский офицер, которые работали в тесном взаимодействии с приходским духовенством. Осуществлялись «чисто полицейские органы борьбы с раскольниками» [1, с. 195]. Иногда жандармерия вовлекалась в решение более масштабных проблем, не утративших актуальность и в наши дни. В феврале 1854 г. начальник корпуса жандармов генерал-лейтенант Дубельт распорядился, на основании сведений, полученных из «достоверных источников», усилить надзор за всеми пребывающими в Россию американскими гражданами. Как говорилось далее в составленном в Санкт-Петербурге документе, из США регулярно приезжают лица, «проповедующие демократические правила с преступною целью содействовать разрушению существующего ныне гражданского порядка» [24, л. 2].

В дальнейшем полномочия жандармов подверглись значительно большей детализации. Закон от 19 мая 1871 г. внес полную ясность в правовой статус жандармерии [10, № 49750]. Компетенция жандармерии оказалась существенно расширена. Эта важная составная часть имперской полиции «из органа наблюдения и доноса» постепенно превратилась в «орган судебного исследования и преследования политических преступлений» [4, с. 15]. В конечном итоге, как пророчески полагал современник событий А.А. Лопухин, «охрана государственной власти», находящаяся в компетенции корпуса жандармов, неизбежным и фатальным образом превращается в бесперспективную «борьбу со всем обществом», что будет иметь трагические

последствия для судеб империи. Нарастающая деятельность тайной полиции неизбежно «приводит к гибели и государственную власть». Ведь ее стабильное существование может быть обеспечено «только единением с обществом» [4, с. 33].

Повсеместное создание полноценных губернских жандармских управлений осуществлялось на основе Положения о корпусе жандармов от 16 сентября 1867 г [13]. В зависимости от географического расположения, стратегической важности и экономического потенциала губернии, в которой действовала тайная полиция, жандармские управления (далее в тексте они именуется ГЖУ) делились на три разряда. К первому относились столичные ГЖУ; ко второму разряду причислялись управления в наиболее крупных городах империи: Киеве, Варшаве, Вильно, Одессе и т.п. Третий разряд имели ГЖУ в таких городах как Архангельск, Астрахань, Баку, Витебск, Воронеж. Согласно данному основополагающему документу, собственное губернское жандармское управление появилось и в Петрозаводске. Начальник каждого жандармского управления имел несколько помощников. Они постоянно находились в уездах, контролировали ситуацию на местах и возглавляли уездные жандармские управления. Департамент полиции, «осуществляя политическое руководство ГЖУ, редко имел возможность влиять на их личный состав» [9, с. 112]. Основную роль здесь играло жандармское руководство, заинтересованное в численном росте подведомственных ему провинциальных подразделений. К 1917 г. в России насчитывалось 75 губернских и областных жандармских управлений, 33 жандармско-полицейских управления железных дорог, в состав которых входило 322 жандармских отделения. Общая численность жандармского корпуса на октябрь 1916 г. составила 14 667 человек [9, с. 112].

Значительная численность персонала жандармерии достигалась путем использования вполне традиционного для российской тайной полиции метода заполнения вакансий. Корпус жандармов пополнялся преимущественно за счет армейских офицеров при строгом отборе кандидатов. Из современных

публикаций известны правила приема офицеров в Корпус жандармов [3, с. 297]. Они утверждались как министром внутренних дел, так и шефом жандармов и периодически, по мере необходимости, пересматривались и изменялись. В корпус принимались лица, окончившие юнкерские училища по первому разряду (то есть с отличной успеваемостью) и прослужившие в строю не менее трех лет. В состав жандармерии не допускались провинившиеся военнослужащие, «бывшие в штрафах по суду и следствию», а также лица, имевшие казенные и частные долги. Существовали жесткие ограничения по конфессиональному и этническому критериям. В частности, не допускались на службу претенденты католического вероисповедания, а также евреи, «хотя и крещеные».

Устоявшийся порядок заполнения вакансий требовал, чтобы лица, желавшие поступить на службу в жандармерию, ходатайствовали через своего начальника. Руководитель представлял в штаб корпуса послужной список офицера с подробной и разносторонней характеристикой. В подборке документов указывались не только деловые, но и нравственные качества кандидата. Говорилось о его репутации у товарищей по службе и начальства, образовании и излагались другие важные характеристики [9, с. 338]. Далее наступал черед испытаний, в ходе которых кандидат выполнял письменную работу на заданную тему. Затем проводилось собеседование. Во время этой судьбоносной встречи самое пристальное внимание обращалось на общее интеллектуальное развитие, умственные способности претендента на должность. Важным преимуществом при отборе кандидатов становилось знакомство с языками, связанными с возможным будущим местом службы (польским, латышским, финским). Выдержавшие все строгие проверки прикомандировывались к Штабу корпуса для обучения ведению делопроизводства и приобретения первых минимальных навыков будущей работы [9, с.338].

Олонецкие материалы подтверждают общую закономерность. По данным послужных списков жандармских офицеров, составленным в 1885 г., местный

начальник жандармского управления проходил обучение во Втором кадетском корпусе. Затем попеременно служил в ряде гарнизонных батальонов. После длительной армейской службы перешел на жандармские офицерские должности. Его преемник обучался в Лазаревском институте восточных языков. Карьеру военнослужащего начал унтер-офицером в Ширванском пехотном полку. Далее губернское жандармское управление возглавил выпускник Казанской губернской гимназии [21, л. 1-98]. С 1913 по 1916 г. на посту начальника Олонецкого губернского жандармского управления находился полковник В.М. фон Оглио, закончивший Николаевское кавалерийское училище. Он перешел в тайную полицию из армии, имел значительный опыт службы в жандармерии [11, л. 1-2]. Не менее образованными работниками являлись и их подчиненные. Ротмистр олонцкого жандармского управления обучался в частном учебном заведении, поручик – в Гельсингфорском пехотном юнкерском училище [21, л. 1-98]. Рядовые служащие жандармского управления набирались из числа местных полицейских и нижних армейских чинов. Приему на службу предшествовали стандартные действия, связанные с выяснением степени умственного развития, политической благонадежности и семейного положения кандидата на должность в политической полиции. Работники, ответственные за подбор кадров, отправляя запросы, незамедлительно получали все сведения от начальства по предшествующему месту службы кандидатов на должности [18, л. 4, 6, 8].

Строгий отбор соответствовал серьезности задач, стоящих перед тайной полицией. Сфера полномочий жандармов оказалась чрезвычайно широкой и в значительной степени дублировала компетенцию полиции. Между двумя составными частями силовых структур империи сложились непростые отношения, началась конкуренция. Полиция, благодаря относительной многочисленности ее рядов и относительной близости к населению, владела «большими, чем корпус жандармов, источниками осведомленности». Но в то же время закон не установил никакой обязательной внутренней связи между правоохранительными учреждениями. Полиция оставалась государственным

органом, добывавшим значительную часть информации для профессиональной деятельности корпуса жандармов. Парадокс состоял в том, что она согласно закону не подчинялась жандармскому руководству [4, с. 44]. Эффективная работа жандармов предполагала постоянное взаимодействие с полицией, особенно в тех сферах, в которых сотрудничество являлось наиболее продуктивным, взаимовыгодным и целесообразным. Речь идет о противостоянии крестьянскому движению, всякого рода небольшим противоправительственным группам, периодически возникавшим в разных частях империи, а также об исследовании общественного мнения с целью профилактики преступлений.

Тайной полицией постоянно и везде, где она действовала, использовались и тщательно анализировались такие источники информации как показания арестованных, материалы из частной переписки, полученные путем перлюстрации, а также толки и слухи, бытующие среди местного населения [1, с. 169]. Исследуя распространение слухов в народной среде, Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии пришло к выводу о том, что общественное мнение здесь формировалось «в процессе прямого межличностного общения». В частности, среди сектантов слухи распространялись в основном людьми, принадлежащими к их конфессии. Большая роль в деле распространения слухов принадлежала нищим [5, с. 240]. Вся эта огромная масса людей действовала исходя из собственных побуждений, порой радикально расходящихся с планами правительства. В расследовании некоторых видов преступлений эта особенность проявилась в значительной мере. Самые различные чины жандармского ведомства, из местного и центрального аппарата, привлекались к расследованию тех типичных дел, которыми занимались как чиновники губернского правления, так и местная полиция. Так в ноябре 1859 г. по требованию олонекского губернатора к чиновнику Рудницкому был прикомандирован рядовой жандармерии для совместного ведения следствия о «вредных действиях по расколу» [17, л. 119].

Начало буржуазных реформ 1860-х гг., оживление общественной жизни, бурные социальные потрясения, происходившие в стране, незамедлительно привели к существенному усложнению задач жандармерии. В первые десятилетия работы тайной полиции старообрядцы рассматривались ею как одна из угроз стабильности существующего строя. В 1870 г. Третье отделение впервые обратило внимание местных жандармских управлений на новое явление в общественной жизни, которое жандармы самонадеянно решили пресечь в самом начале. Рабочие фабрики, располагавшейся близ Петербурга, устроили стачку для того, чтобы «вынудить хозяев фабрики увеличить заработную плату». Император поручил губернаторам «иметь самое строгое и неослабное наблюдение» за фабричным и заводским населением. Особенное внимание следовало обратить на «неблагонамеренных личностей» – лидеров, которые могут оказывать «вредное влияние на толпу». Появление стачек в рабочей среде должно быть «положительно приписано влиянию лиц, стремящихся перенести эту, чуждую русскому народу, форму выражения недовольствия на нашу почву». Их цель состоит совсем не в народном благе. Они пытаются «посеять смуты» в государстве и «производить беспорядки и волнения». В случае обнаружения таких опасных лиц губернаторам следовало, без «судебного разбирательства», немедленно высылать зачинщиков беспорядков в Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую или Самарскую губернии [26, л. 4].

Под влиянием поступающих из имперской столицы распоряжений в деятельности провинциальных подразделений тайной полиции постепенно происходили заметные изменения. Их суть заключалась в постепенном расширении сфер ее компетенции. Как указывалось в циркуляре шефа жандармов, датированном февралем 1875 г., «деятельность чинов корпуса жандармов в настоящее время представляется в двух видах». Во-первых, она состоит в предупреждении и пресечении «разного рода преступлений и нарушений закона». Во-вторых, жандармерия осуществляет «всестороннее наблюдение» на подведомственной ей территории. Первый из видов ее

деятельности опирается на законодательство и относительно подробно регламентирован. Второй «хотя и не отличается от усвоенного прокуратурой и полицией, но служа общим государственным целям, не может подчиняться каким-либо определенным правилам, а напротив того, требует известного простора». Несмотря на особую важность «наблюдательных обязанностей», у руководства отсутствует возможность указать при помощи какой-либо инструкции «на все явления, требующие надзора». Вероятнее всего, как формирование основных направлений деятельности, связанной с наблюдением, так и ее успех в значительной мере предопределены местными уникальными особенностями. Но столь же существенным образом успех зависит от необходимых для жандарма деловых качеств – «такта и умения оценивать факты». Профессиональная компетентность в данном случае состояла в том, чтобы не обобщать те из них, которые, «имея характер местный или сиюминутный», не дают повода к более обширным выводам [27, л. 16].

Далее циркуляр разъяснял в общих чертах основные направления деятельности жандармов, связанные с наблюдением за складывающейся в губерниях ситуацией. Особое внимание предполагалось уделить раскрытию и преследованию попыток «к распространению вредных учений». К числу таковых относились все суждения, «клонящихся к колебанию коренных основ государственной, общественной и семейной жизни». Основные методы решения данной проблемы состояли в постоянном надзоре за школами, публичными лекциями и чтениями для народа. Жандармам следовало «верно знать их направление» и иметь возможность «всегда указать вредных деятелей на этом поприще» с целью дальнейшего пресечения их деятельности. Следовало уделять внимание книжной торговле. Особенно тщательно надлежало наблюдать за продажей «в разнос», а также не упускать из виду «кабинеты для чтения» и все иные «заведения подобного рода», которые имеют возможность тайного сбыта книг «преступного или вредного содержания». Предметом внимания жандармерии должны были стать лица, путешествующие «для собирания разных сведений», якобы с научною целью. Благое намерение,

полагали составители циркуляра, иногда прикрывает «другую, преступную, цель». Наконец, следовало наблюдать «за духом всего населения и за направлением политических идей общества», стараясь обстоятельно исследовать глубинные причины «настроения умов», неблагоприятного для правительства. В целом отношения сотрудников тайной полиции с местным населением «должны быть поставлены так, чтобы всякий был уверен, что в случае надобности всегда получит от них дельный совет и встретит участие».

Предметом особого внимания жандармов, судя по перечню, приведенному в циркуляре, должны стать следующие экстраординарные обстоятельства. Во-первых, достоверные сведения о том, что жителям уезда угрожает голод из-за некомпетентности чиновников: «по неприятию надлежащими ведомствами своевременных мер». Во-вторых, поступившие в жандармерию сведения о том, что местной уездной властью «неправильно собираются недоимки, что возбуждает в народе ропот». В-третьих, существенное значение уделялось местному православному духовенству. Жандармам следовало принимать решительные меры в том случае, если хотя бы один из сельских священников «несоответственным его сану поведением и неблагоприятными поступками вызывает ропот прихожан». В такой ситуации следовало незамедлительно, донеся своему начальству, одновременно сообщать об отступлениях от благочестия местному архиерею для принятия церковно-административных мер воздействия на нарушителей. [23, л. 6]. Получив циркуляр, местное жандармское начальство решило дополнить изложенные в нем обстоятельные распоряжения собственными, еще более подробными требованиями. Последние адаптировали универсальные распоряжения, исходящие из имперской столицы, к местным условиям. Особое внимание местным жандармским чинам следовало обратить на Мариинскую систему, которая «есть главная линия скопляющегося из разных мест империи в громадном числе народа». Во время посещения протяженного участка водной трассы жандармам следовало, «вслушиваясь в толки народные, иметь личное

наблюдение», следя за лицами, «почему-либо могущими казаться подозрительными» [25, л. 2].

Начиная со второй половины 1870-х гг. приоритетной задачей жандармерии становилась борьба против распространения «вредных идей» [8, с. 50-55]. По мнению руководства тайной полиции, нежелательные для стабильности государства мнения циркулировали повсеместно и достигали адресатов при помощи разных методов. Циркуляр Третьего отделения указывал, что некие «молодые люди» стремятся заниматься пропагандой своих опасных идей преимущественно в среде заводских и фабричных рабочих, регулярно снабжая их книгами революционного содержания. Для противодействия новому опасному явлению производились аресты. Ожидаемого эффекта достигнуть не удалось. Несмотря на задержание многих лиц, посвятивших себя этой разновидности преступной деятельности, «вредная пропаганда продолжается». МВД «признало необходимым» распорядиться «о взятии с владельцев или главных управителей всех сколько-нибудь значительных фабрик и заводов обязательств в том, что они будут иметь наблюдение за появлением на их фабриках и заводах лиц, распространяющих между рабочими книги революционного содержания» [26, л. 11].

Одновременно жандармское начальство обращало внимание местных отделений тайной полиции на то, что и рабочие, в свою очередь, занимаются пропагандой революционных идей среди крестьян. Как указывалось в следующем циркуляре Третьего отделения, «производящимися дознаниями» обнаружено, что рабочие, возвращающиеся из промышленных центров на родину, распространяют среди сельского населения «нелепые слухи». Они рассказывают крестьянам о предстоящем, «будто бы, разделе земли» и побуждают их к немедленному прекращению платежа податей. Крестьяне относятся к таким обнадеживающим сообщениям со вполне понятным оптимизмом. Они упорно скрывают от полиции распространителей неправдоподобной информации. Между тем появление слухов небезопасно для стабильности общества. По своему характеру они легко способны «сделаться

источником беспорядков». Особенно сильным их влияние может оказаться в том случае, если слухи «вовремя не будут парализованы преследованием виновных в их распространении» [26, л. 16]. Исходя из всего изложенного, циркуляр предписывал «учредить бдительное наблюдение» за действиями рабочих, которые регулярно возвращаются с заработков на родину, в деревни ко дню местных, обыкновенно престольных, праздников. В случае обнаружения факта распространения вредных слухов, виновных следовало немедленно привлекать к ответственности согласно действующим законам.

Центральное жандармское начальство усердно рисовало перед подчиненными ужасающую картину широкого распространения революционных идей и создания многочисленных тайных кружков. В них возмутительные идеи разрабатывались, тиражировались и становились доступными широким слоям населения. Как указывалось в циркуляре шефа жандармов, с начала 1874 г. «деятели революционной пропаганды» одновременно, как по команде начинают свою преступную деятельность «в разных пунктах и сферах нашего отечества». Обладая «достаточной энергией и кое-какими материальными средствами», они «не останавливаются ни пред чем». Враги государства «не стесняются никакими условиями и препятствиями», они успешно организуют «постоянные между собой сношения». В своей деятельности они соблюдают строгие правила конспирации: «весьма искусно затемняют и скрывают их различными паролями, лозунгами, условными знаками и шифрами». В итоге их усилия оказываются успешными, а влияние в молодежной среде стремительно растет. Они «весьма быстро» проникают в высшие, средние и низшие учебные заведения, в семинарии, гимназии и сельские народные школы. Вездесущие пропагандисты «сворачивают молодежь не только путем распространяемых книг и устной проповеди». Агитаторы используют и более коварные и труднообразимые методы, действуя «путем близких отношений с имеющимися в их среде в немалом количестве молодыми женщинами и девушками». В конечном итоге конспираторы достигли значительных успехов

и имеют грандиозные планы. К концу 1874 г. они успеют «покрыть как бы сетью революционных кружков и отдельных агентов большую половину России» [26, л. 21].

Подводя итоги сказанному, жандармское начальство обращалось к анализу глубинных социальных причин происходящего. Они виделись в том, что важнейшие общественные институты не противостоят революционному влиянию, а нередко и потворствуют ему. В частности, «молодежь, составляющая главный контингент лиц, занимающихся пропагандой, не находит отпора пагубным и разрушительным учениям в той среде, где она растет и развивается». Причина такого положения очевидна. Нравственные основы воспитания, которые «может дать только семья», по-видимому, вовсе не развиты у «многих из этих молодых людей». При поступлении в школы они вообще не обладают «никакими твердыми началами уважения религии, семейства, чужих прав, личности и собственности» [26, л. 22].

Для успешного решения задач, связанных с компетенцией жандармерии, активно привлекались силы обычной полиции. Высшее жандармское начальство, отдавая должное служебному рвению своих олонецких подчиненных, тем не менее, подчеркивало, что задачи жандармского корпуса все же должны существенным образом отличаться от тех функций, которые успешно выполняет местная полиция. Как подчеркивалось в приказе начальника штаба корпуса жандармов, датированном 8 декабря 1875 г., из поступающих в имперскую столицу документов видно, что профессиональная деятельность олонецких жандармов состоит «преимущественно в обнаружении беспаспортных лиц и виновных в нарушении постановлений казенных акцизных управлений». Как говорилось далее в цитируемом документе, такая разновидность деятельности тайной полиции, пусть и вполне успешная, явно недостаточна: на жандармов возлагаются «более серьезные и существенные обязанности» [16, л. 8].

В создавшейся тревожной ситуации жандармское начальство считало необходимым предостеречь своих подчиненных от излишнего рвения в деле

борьбы со всякого рода правонарушениями, связанными как явными преступлениями, так и с этическими проблемами. Особым циркуляром оговаривалась необходимость проведения обысков в домах подозреваемых только при наличии несомненных оснований. Как говорилось в циркуляре Третьего отделения, «в делах политического характера осмотрительность имеет особое значение». Каждый обыск или арест, произведенный жандармами без достаточных оснований, «возбуждает раздражение и недовольство правительством». Негативные эмоции испытывает широкий круг лиц: не только сам обысканный и арестованный, но и его близкие. Иные психологические последствия непродуманных действий служителей закона связаны с поведением и образом мыслей действительно виновных в правонарушениях лиц. Известно, что «неосновательные, а потому и безрезультатные обыски вселяют в действительных виновниках убеждение, что правительство в раскрытии зла идет по ложной дороге» и что оно явно «не знает настоящего гнезда революционеров». Следовательно, они будут уверены в безнаказанности и беспрепятственно смогут продолжать «свое преступное дело» [26, л. 24].

В 1880-е гг. задачей жандармерии оставалась борьба против набиравшего силу революционного движения. Здесь использовались самые различные методы, постепенно накапливался опыт, обнаруживались самые разные способы решения проблем. В сентябре 1881 г. Департамент полиции разослал начальникам губернских жандармских управлений циркуляр, в котором в качестве главного места распространения революционных идей рассматривались питейные заведения. Как говорилось в циркуляре, «злонамеренные лица, именующие себя членами социально-революционной партии», занимаясь «подпольной борьбой с существующим государственным и общественным порядком», сосредоточили свою подрывную деятельность, «в видах более тесного сближения с народом», в питейных домах. Исходя из сказанного, Департамент полиции предписывал незамедлительно «сделать распоряжение об усилении наблюдения за питейными домами и лицами, в них торгующими» [22, л. 9].

Другие циркуляры предостерегали жандармов от преувеличения опасностей, угрожающих общественному строю. В сентябре 1884 г. Департамент полиции разослал циркуляр, в котором обращалось внимание на неоднократные случаи обнаружения революционных изданий у воспитанников средних учебных заведений. Результаты проведенных дознаний показывают, что привлеченные к следствию учащиеся нередко являются чуждыми «противоправительственному движению». Они «неумышленно» хранили случайно полученные от неизвестных им лиц произведения «подпольной литературы». Циркуляр предписывал, чтобы дознания по упомянутым делам возбуждались с особой осмотрительностью. Тайной полиции надлежало действовать только при наличии обстоятельств, указывающих, что «хранение воспитанниками средних учебных заведений запрещенных изданий имеет непосредственную связь с противоправительственной пропагандой и ее деятелями» [24, л. 28].

Одновременно центральное жандармское начальство озаботилось и другими местами скопления людей, объединенных общими целями. Под подозрение попали просветительские организации. Чиновников интересовало содержимое местных библиотек, организуемых повсеместно в уездных городах и даже в деревнях, а также изредка проводимые в них народные чтения. Как говорилось в циркуляре Департамента полиции, из «поступающих ныне сведений» выясняется, что некий «неблагонадежный элемент» для реализации своих тайных целей пытается добиться «учреждения библиотек, читален и публичных чтений не только в губернских, но и в уездных городах и селениях». Местным жандармам поручалось собрать и представить начальству подробные сведения о том, где созданы подозрительные читальни и библиотеки и кто является их организатором. Предполагалось также выяснять, какие книги «предлагаются для чтения и слушания народу» [24, л. 54].

В относительно спокойные 1890-е гг. тайная полиция получала от своего руководства распоряжения уделять внимание не только политическим преступлениям, но и отслеживать ситуацию в криминальной сфере в целом. В

октябре 1895 г. МВД разослало начальникам губернских жандармских управлений очередной циркуляр. В нем содержалось предписание «неуклонно и безотлагательно» сообщать департаменту полиции, кроме сведений «политического свойства», заодно и обо всех недавно произошедших выдающихся событиях местной общественной жизни. В частности, следовало регулярно информировать начальство о наиболее заметных уголовных преступлениях, о циркулирующих в местном обществе слухах, «возмущающих общественное спокойствие». Особое внимание надлежало обратить на происшествия, получившие широкое распространение, а также те девиантные проявления, в которых замешаны видные представители «административного или иных ведомств или местного общества». Запрещалось игнорировать такие злоупотребления и распоряжения должностных лиц, которые воспринимаются негативно и вызывают заметный общественный резонанс [24, л. 23]. В сотрудничестве с местной полицией жандармские управления обязывались тщательно просматривать всю корреспонденцию политических ссыльных. Следовало обращать внимание не только на содержание отправляемых писем, но и на адресатов корреспонденции – тех лиц, кто «состоит в переписке с поднадзорным». Если таковым окажется «кто-либо из политических эмигрантов или персон, разыскиваемых по обвинению в государственном преступлении», то такая корреспонденция подлежит «безусловному задержанию» [24, л. 23].

В начале XX в. в общественной жизни Российской империи произошли существенные изменения, связанные, в числе прочего, с заметным усилением деятельности радикальных политических партий и групп. В провинции политические изменения проявлялись заметно слабее, чем в крупных городах страны. Но и здесь имелись свои эксцессы, тревожащие руководство тайной полиции. Жандармерии пришлось столкнуться с новым явлением: рассылкой писем «возмутительного содержания» по разным адресам, в том числе в учреждения официальной прессы. В 1901 г., как видно из сообщения губернского правления начальнику олонецких жандармов, редакцией

Олонецких губернских ведомостей получено из Берлина «воззвание российской социал-демократической рабочей партии к стачечникам» [20, л. 59]. Аналогичные неожиданные послания нередко получали и частные лица. Судя по рапорту вытегорского уездного исправника, датированному апрелем 1902 г., вполне благонамеренный чиновник местного казначейства Ходотов внезапно получил из Петербурга посылку. В ней, к немалому изумлению адресата, оказались «противоправительственные, революционные брошюры». Чиновник немедленно отнес эту опасную корреспонденцию в полицию. Там он пояснил, что с социалистами-революционерами «и вообще с лицами вредных политических направлений» он никогда «никаких сношений не имел». Получение анонимной посылки его немало удивило [14, л. 2].

Категориями населения, в отношении которых сотрудникам тайной полиции следовало проявлять сдержанность и корректность, являлись юные воспитанники гимназий и государственные служащие. Как указывалось в циркуляре МВД, датированном ноябрем 1900 г., жандармам следовало «при производстве дознаний и расследований по охране с крайней осторожностью относиться к вопросу об обысках и арестах учащихся в средних учебных заведениях». К следственным действиям и, в особенности, к арестам следовало прибегать лишь в случае крайней необходимости. Единственным серьезным поводом к задержанию подозреваемых могло послужить наличие объективных данных, служащих основанием для обвинения их в государственном преступлении или в политической неблагонадежности [24, л. 75]. Другой циркуляр, изданный в мае 1900 г., предписывал, чтобы лица, состоящие на государственной службе, привлекались к даче показаний в качестве свидетелей «лишь в случаях безусловной необходимости в таком допросе», явным образом вытекающей из самого существа дела [24, л. 76].

Первые результаты расследования дел о революционной деятельности обнадеживали тайную полицию. К началу XX в. сколько-нибудь заметное влияние революционных партий на территории губернии не обнаруживалось. Причина столь благоприятного для социальной стабильности положения

состоит в том, что Олонецкая губерния «вследствие недостатка в путях сообщения» в течение восьми месяцев в году почти полностью изолирована от других частей России. Ее население «по своей редкости, малой культурности и состоя главным образом из инородцев, мало восприимчиво к современным социальным учениям» [24, л. 101]. Источником социальной напряженности теоретически могли стать рабочие Александровского завода. Но предприятие дает своим труженикам «сравнительно хороший заработок». Многие из них, «благодаря долговременной работе, приобрели недвижимую собственность и, кроме того, имеют обеспеченный кусок хлеба».

Надежда на стабильность доходов самым существенным образом влияла на их поведение, побуждая к максимальной осторожности и удерживая от публичного проявления радикальных настроений. «Нежелание большинства рабочих менять верное на неверное ярко проявилось за минувшее тревожное время» [24, л. 102]. Немного позднее, отвечая на запрос Департамента полиции, жандармское управление высказалось о некоторых аспектах состояния дел в губернии более подробно. Как указывалось в документе, «ясно выраженные и систематически действующие» революционные организации в Олонецкой губернии отсутствуют. В ней «почти нет и определенного революционного движения в том смысле, как наблюдалось в других местностях империи». Имели место отдельные инциденты, вызванные «не постоянно действующими, а чисто случайными причинами» [24, л. 73], не наблюдалось более серьезных «явлений революционного характера», чем немногочисленные демонстрации. Во время относительно небольших народных волнений, имевших место в губернии, предупредить более крупные беспорядки удавалось путем личных обращений губернатора к радикально настроенной толпе.

Особое внимание жандармерии привлекали печатные издания, значительными тиражами распространяющиеся среди крестьянского населения. Как указывалось в циркуляре МВД, датированном июнем 1902 г., в последнее время отмечается «особенно усиленная деятельность разных революционных организаций», направленная преимущественно «к воздействию на крестьянское

население». Цель усилий радикалов состоит в том, чтобы подорвать в крестьянской среде «доверие к действиям правительства, а также обострить отношения к частным землевладельцам». Для достижения зловещей цели использовались различные способы. Основным из них стало распространение заведомо ложных слухов о распоряжениях местной власти, «клонящихся к увеличению благосостояния крестьян в ущерб частным землевладельцам». В качестве другой действенной меры предполагалось «широкое распространение соответствующих изданий». В них всячески подчеркивалось «безотрадное положение трудящегося населения». Причиной «всех зол и бед» объявлялся самодержавный строй Российского государства. Для того чтобы ввести в заблуждение полицию и читателей, все издания имели поддельные указания на одобрение их цензурой, Комиссией народных чтений и другими компетентными инстанциями, призванными контролировать распространение печатных изданий. Жандармским управлениям следовало пресекать распространение нежелательных изданий [24, л. 112].

Другой циркуляр, связанный с оперативным пресечением наиболее заметных проявлений общественного недовольства, обращал внимание местных жандармских управлений на происходящие во многих местностях России странные мероприятия: банкеты, обеды, вечеринки и иные собрания «лиц самых разных положений и профессий». Все они собирались для публичного и детального обсуждения «необходимых, по мнению участников собраний, реформ внутреннего управления государством». Отдельные ораторы-участники мероприятий произносили речи недопустимого содержания. Провозглашаемые ими во время выступлений пожелания и тосты нередко оказывали на собравшихся влияние «столь возбуждающе, что они, как тому были неоднократные примеры», считали «для себя позволительным обращаться к высшим представителям правительственной власти с резолюциями». В них содержались «открытые требования изменений в существующем государственном строе». Циркуляр требовал от полиции принятия жестких предупредительных мер. Поскольку полиция, как правило, располагала

сведениями о готовящихся мероприятиях, она имела «полную возможность воспрепятствовать предоставлению устроителям собраний необходимых для сего помещений в ресторанах, гостиницах, буфетах и т.д.» [24, л. 117].

В годы Первой мировой войны изменившаяся ситуация потребовала от жандармерии новых энергичных усилий, нацеленных на поддержание правопорядка. Делопроизводство из фонда олонецкой жандармерии не сохранило данных об анализе социальных настроений. Другие направления деятельности жандармерии в важный, переломный период в жизни Российской империи выявляются немного легче. Руководство жандармерии вплотную занялось хлопотным делом – инспектированием подразделений стражников. Цель проверок заключалась в выяснении их благонадежности, степени подготовленности к исполнению служебных обязанностей, а также выявлении недостатков в их материальном обеспечении. В ноябре 1915 г. начальник Олонецкого губернского жандармского управления посетил расположение отряда полиции, размещавшегося в Лодейном Поле. Во время инспекции он выяснил, что «наружный вид» и строевая выправка стражей порядка вполне соответствуют требованиям, «повороты и ружейные приемы» стражники исполняют «хорошо». Руководитель жандармов проверил познания стражников и выявил, что они вполне «выучили свои обязанности». Вещевое довольствие стражей порядка оказалось не совсем соответствующим принятым нормам: «одеты люди исправно, имеют по два комплекта обмундирования, но теплых вещей недостаточно; оружие содержится в исправности». Серьезный недостаток в организации службы жандармский начальник увидел в помещении, занимаемом стражей. Оказалось, что оно «очень старое, разрушающееся и сырое» [15, л. 166].

Подводя итоги, отметим, что на стадии формирования тайной полиции и на протяжении всего времени ее существования вполне закономерно возникали существенные сложности, связанные, прежде всего, с определением компетенции новой правоохранительной структуры. Первоначальные затруднения удалось преодолеть лишь в начале XX в., когда в полной мере

проявилась деятельность революционных организаций. Отвечая на новый вызов, центральное полицейское начальство предполагало не только традиционные формы жесткого противодействия «смутьянам», связанные с репрессиями, но и внимательный, вдумчивый анализ ситуации. Исследование сложных проблем поддержания общественной стабильности оказалось не под силу существующей в губернии полиции, занятой текущими задачами поддержания общественного порядка. Однако изучение «настроения умов, нравов, обычаев и традиций местного населения» вполне могло стать и действительно стало сферой деятельности жандармерии, более подготовленной к выполнению этой непростой задачи.

Список литературы:

1. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 5-е изд. М.: РГГУ, 2008. 710 с.
2. Измозик В.С. Политический контроль и сыск: методологические аспекты // Политический сыск в России: история и современность. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1997. С. 9-21.
3. Лаврик Т.М. Политика по формированию кадрового состава жандармерии на рубеже XIX-XX вв. // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 8 (64). С. 297-300.
4. Лопухин А.А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907. 69 с.
5. Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 2. 566 с.
6. Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России. М.: Мысль, 1982. 326 с.
7. Пайпс Р. Три «почему» русской революции / Пер. с англ. СПб.: Atheneum; Феникс, 1996. 96 с.

8. Перегудов А.В. Русский жандарм начала XX века: особенности восприятия (по воспоминаниям офицеров Отдельного корпуса жандармов) // Труды Карельского научного центра РАН. 2013. № 4. С. 50-55.

9. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880-1917 гг.). М., РОССПЭН, 2000. 358 с.

10. Правила о порядке действий чиновников корпуса жандармов по расследованию преступлений от 19 мая 1871 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XLVI. № 49 750.

11. Послужной список полковника фон Оглио // Национальный архив Республики Карелия, ф. 19, оп. 2, д. 57/22, л. 1-2.

12. Положение о Корпусе жандармов // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. II. № 1062.

13. Положение о корпусе жандармов от 16 сентября 1867 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 42. № 44956.

14. Рапорт вытегорского уездного исправника // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 2. Д. 20/13 Л. 2.

15. Рапорт начальника Олонецкого губернского жандармского управления олонецкому губернатору // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 104/2728. Л. 166-167.

16. Распоряжение начальника штаба корпуса жандармов // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1/9. Л. 8.

17. Распоряжение Олонецкого губернатора о расследовании «вредных действий по расколу» // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 9. Оп. 1. Д. 293/2842. Л. 119.

18. Сведения о политической благонадежности кандидатов на должности в жандармском управлении // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3/50. Л. 1-98.

19. Седунов А.В. Жандармские офицеры на Северо-западе России в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 3 (31). С. 62-77.

20. Сообщение Олонецкого губернского правления начальнику олонецкого жандармского управления // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 2. Д. 18/9. Л. 1-3.

21. Формулярные списки офицеров Олонецкого губернского жандармского управления // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 1-98.

22. Циркуляры Департамента полиции // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 2. Д. 5/55. Л. 1-59.

23. Циркуляры корпуса жандармов // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 2. Д. 1/11. Л. 1-35.

24. Циркуляры МВД // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 2. Д. 1/10. Л. 1-188.

25. Циркуляры Олонецкого губернского жандармского управления // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 2. Д. 3/41. Л. 1-139.

26. Циркуляры Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 2. Д. 3/32. Л. 1-433.

27. Циркуляры шефа жандармов // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 2. Д. 3/41. Л. 1-145.

28. Щербакова Е.А. «В начале славных дел» (Из истории становления политической полиции) // Труды общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. 1. С. 9-13.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.